

RU

Онтологизация категории Пустота в философии, эстетике и поэтике литературы русского постмодернизма

Житко Р. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявление причин и способов онтологизации категории Пустота в философии, эстетике и поэтике литературы русского постмодернизма. В статье обосновывается тезис о переосмыслении представления о Ничто и онтологизации категории Пустота в теории и художественной практике постмодернизма. Утверждается, что категория Пустота проявляется в постмодернистском тексте: в отрицании референтности и преодолении структурности моделируемого художественного мира; в новом типе хронотопа как отражении накопленных в культуре текстов в сознании автора и/или героя; в принципах сюжетно-композиционной организации и создания образов персонажей произведения. На примере произведений В. Пелевина показывается изменение приемов воплощения категории Пустота в постмодернистском тексте. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявлено влияние категории Пустота на художественные стратегии постмодернизма. В результате исследования установлено, что категория Пустота как результат переосмысления в философии и эстетике постмодернизма «Великого Ничто» предшествующей культуры является фактором поэтики постмодернистского художественного мира, обеспечивающим его целостность.

EN

Ontologization of the category of Emptiness in Philosophy, aesthetics and Poetics of the literature of Russian Postmodernism

R. G. Zhitko

Abstract. The purpose of the study is to identify the causes and ways of ontologizing the category of Emptiness in philosophy, aesthetics and poetics of the literature of Russian postmodernism. The article substantiates the thesis of rethinking the concept of Nothingness and ontologizing the category of Emptiness in the theory and artistic practice of postmodernism. It is argued that the category of Emptiness manifests itself in a postmodern text: in the denial of reference and overcoming the structurality of the modeled artistic world; in a new type of chronotope as a reflection of texts accumulated in culture in the mind of the author and/or hero; in the principles of plot-compositional organization and creation of images of the characters of the work. Using the example of V. Pelevin's works, a change in the methods of embodying the category of Emptiness in a postmodern text is shown. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time it revealed the influence of the category of Emptiness on the artistic strategies of postmodernism. As a result of the study, it was found that the category of Emptiness as a result of rethinking the "Great Nothingness" of the previous culture in the philosophy and aesthetics of postmodernism is a factor in the poetics of the postmodern art world, ensuring its integrity.

Введение

Актуальность данного исследования связана с необходимостью теоретико-литературного осмысления поэтики постмодернистской литературы в связи с онтологизацией категории Пустота в философии и эстетике постмодернизма.

Достижению поставленной цели служит решение следующих задач:

- выявление основных философских и эстетических ориентиров постмодернистской литературы в аспекте обозначенной проблемы;
- характеристика семиотической природы художественного объекта в постмодернистском тексте и признаков его последовательного опустошения;
- обоснование категории Пустота как фактора целостности хаотически организованного художественного мира постмодернистского произведения.

Теоретическую базу исследования составили работы в сфере теоретической (Лиотар, 1998; Эко, 2006; Брайнин-Пассек, 2002; Ратников, 2002) и исторической (Борев, 2001) поэтики, культурологии (Хассан, 1987; Фукуяма, 2015; Делёз, Гваттари, 2010; Джеймисон, 2019), эстетики (Бодрийяр, 1998), семиотики (Бодрийяр, 2017; Эко, 2007).

Основными методами исследования, выполненного в рамках теоретической и исторической поэтики, стали структурно-семиотический, который позволил выявить специфику воплощения в тексте категорий Ничто и Пустота; генетический, призванный показать мифологические и философские истоки понятий Ничто и Пустота; типологический, благодаря которому обозначено отличие в способах моделирования художественного мира в литературе модернизма и постмодернизма; герменевтический, который позволил показать роль категории Пустота как фактора целостности постмодернистского текста; элементы культурно-исторического подхода, давшего возможность объяснить социокультурные причины устранения Ничто из философской картины мира и утверждения категории Пустота в философии и эстетике постмодернизма.

Материалы исследования:

- Пелевин В. О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2023.
- Пелевин В. О. iPhuc 10. М.: Эксмо, 2019.

Практическая значимость исследования состоит в расширении проблемного поля в изучении литературы постмодернизма, в возможности использования материалов исследования в практике преподавания теоретико- и историко-литературных дисциплин, при разработке и чтении спецкурсов, посвященных поэтике и художественной философии постмодернистской литературы, интерпретации и рецепции литературного произведения, методике преподавания литературы в высшей школе.

Обсуждение и результаты

XX век стал временем трансформации философских и научных представлений, вызвавшей, с одной стороны, последовательную рефлексию о мире и изменение картины мироздания, с другой стороны, смену эстетических ориентиров. В рамках этого процесса, обозначившего переходный период в развитии цивилизации, происходит актуализация и переосмысление категории Ничто, начавшееся в эпоху модернизма и нашедшее наиболее очевидное выражение в философии, эстетике и литературе постмодернизма.

Здесь следует ввести несколько уточнений. Европейский и американский модернизм включает множество разнородных течений и прошел несколько этапов развития на протяжении первой половины XX в., когда после Второй мировой войны на смену ему пришел постмодернизм, получивший философское и литературоведческое обоснование в 70-80-е годы прошлого столетия. В аспекте поставленной в статье проблемы важно отметить, что, несмотря на разную степень радикальности этих течений в попытках обновления художественного языка, прежде всего реализма XIX в., для литературы модернизма характерна общая установка на постижение скрытого за эмпирикой реального мира трансцендентного смысла, призванного противостоять ощущению абсурдности социального бытия и бессмысленности человеческого существования в разорванном катастрофичном мире; именно эта установка определила значимое место категории Ничто в философских и эстетических дискуссиях модернистов, а также в их произведениях.

Существенно также, что многие художественные открытия модернизма (перенос внимания на исследование сферы человеческого сознания и подсознания, а также коллективного бессознательного и в связи с этим отрицание принципов реалистического мимесиса; игровое и ироническое переосмысление литературы и культуры предшествующих эпох; проблематизация добра и зла как устойчивых аксиологических координат осмысления действительности; эксперименты представителей авангардистской ветви модернизма, например футуристов и обэриутов в России и дадаистов, сюрреалистов, абсурдистов в европейской литературе, направленные в том числе на рассогласование знака и значения и создание абсурдного языка, и т. д.) в той или иной степени подготовили философские и эстетические идеи постмодернизма и получили развитие в поэтике. Именно поэтому, на наш взгляд, обоснование смыслообразительной функции категорий Ничто и Пустота является необходимым для разграничения модернизма и постмодернизма.

В разных национальных литературах реализация типологически сходных идей модернизма имеет свою специфику, рассмотрение которой в рамках статьи представляется и невозможным, и непродуктивным, отметим только, что для литературы русского модернизма в большей степени характерно понимание преемственности культуры и утверждение наличия Ничто в картине мироздания. Свою национальную специфику имеет и литература русского постмодернизма с ее установкой сначала на разрушение советских идеологических мифов, выявление их пустотной сущности и лишь затем на художественное осмысление актуальных философских идей и социальных процессов; при этом литература русского постмодернизма необозрима и тоже представлена разными течениями. Поэтому в статье в качестве материала исследования для решения поставленных теоретических задач избраны отдельные произведения В. Пелевина как наиболее репрезентативные для демонстрации типологических характеристик постмодернистской поэтики и этапов ее эволюции.

Наконец, категории Ничто и Пустота в их влиянии на построение художественного мира произведения, оказываясь объектом теоретико-литературного исследования, предполагают их понимание как телеологического фактора, обуславливающего целостность произведения, в котором вопросы авторской онтологии, гносеологии и аксиологии соотносятся со структурными уровнями объектной организации – хронотопом, системой образов и мотивов и воплощенной в них системой ценностей (Житко, 2019, с. 149-164).

Категория Ничто, выступая понятием высшей степени абстракции, является объектом познания философской нигитологии. Сущность восходящей к древнейшим мифам категории Ничто как совокупности представлений об устройстве мироздания (в мифологической традиции представлены три модуса небытия: «до-бытие», то есть сакральное «великое» Ничто до начала мира, «пост-бытие», сакральное Ничто после конца света, и «ино-бытие», присутствующее в бытии Ничто) и его непостижимости в разное время оказывалась предметом религиозных и философских дискуссий (Житко, 2017, с. 6-14), в меньшей степени – творческой рефлексии в литературе разных эпох, прежде всего тех, которые были ориентированы на познание Непознаваемого и Непостижимого. При этом вплоть до эпохи модернизма понятия Ничто и Пустота использовались как синонимические.

Однако на рубеже XIX-XX вв., когда в результате естественнонаучных открытий происходит обусловленный идеями позитивизма отказ от метафизики в пользу эмпирической конкретики, в литературе и искусстве возникает противоположная тенденция: основываясь на религиозно-философских идеях, избрав в качестве ценностного ориентира категорию Ничто, которая стала в их произведениях репрезентантом непознаваемой высшей сферы бытия, русские писатели-модернисты обратились к осмыслению Ничто и Пустоты, для чего актуализировали мифологические представления об Изначальном и Финальном Ничто, а также восходящие к Платону идеи об Абсолютном Творческом начале. Соответственно, в рамках дискуссии об устройстве мира и принципах его понимания осуществляется дифференциация Ничто и Пустоты: в идеалистической по своей природе модернистской художественной парадигме, прежде всего в литературе символизма, происходит онтологизация категории Ничто через утверждение идеи о наличии в мироздании высшего, Сакрального, Непознаваемого, Абсолютного бытия, в то время как Пустота осмысливается как проекция Ничто в материальном, вещном мире. Дифференциация категорий Ничто и Пустота осуществляется и в поэтике: стремление постичь «великое Ничто» (К. Бальмонт) и доказать его присутствие в мироздании реализуется в построении хронотопа, в котором актуализируется либо архетипическая пространственно-временная концепция Ничто, обрамляющего бытие, либо представление о Ничто/Пустоте как о метафоре рубежа эпох внутри бесконечного бытия; субъективное переживание, зачастую на уровне мистического ощущения, трансцендентного бытия как безусловно наличествующего в мире реализуется через «опредмечивание» Ничто в системе визуальных, аудиальных, тактильных образов и мотивов; конкретизируется и Пустота, выступая как знак разрушительных социальных процессов, происходящих в реальном мире. Таким образом, абстрактные категории Ничто и Пустота представлены в литературе модернизма не только в онтологическом и гносеологическом, но и аксиологическом аспекте (Житко, 2018, с. 24-32).

Сдвиг в осмыслении категории Ничто происходит во второй половине XX в., что обусловлено масштабными цивилизационными изменениями, свидетельствующими об очередной смене культурно-исторических эпох, когда индустриальное общество уступает место постиндустриальному (информационному); когда формируется новая философская парадигма, утверждающая нелинейность времени, множественность представлений о пространстве и об устройстве мироздания; когда переформируется культурное поле, изменяются формы и способы бытования искусства, переосмысляются онтология художественного произведения, а также стратегия его создания. В ответ на дискуссию вокруг происходящих изменений можно привести мнение Ю. М. Брюхановой, которая пишет, что «не может быть консенсуса в определении состояния культуры – есть ли это упадок, умирание или движение навстречу себе, постижение собственной природы?» (2013, с. 91), задача заключается в осмыслении происходящих изменений.

Первой попыткой такого осмысления стали философия постмодернизма и постструктурализм как методологическая рефлексия об эстетике данного литературного направления. Теоретики определяют причины формирования постмодернизма с разных позиций. Так, Ф. Джеймисон (2019) указывает на культурно-исторический (мировоззренческий) аспект. Ж. Бодрийяр (2017) отмечает влияние массовой медийной культуры. Согласно точке зрения Ф. Фукуямы (2015), постмодернизм необходимо рассматривать в русле концепции «конца истории».

При всех различиях в интерпретации причин формирования постмодернизма теоретики сходятся в том, что постмодернизм выражает кризисное мировоззрение эпохи и потому как радикальный интеллектуально-философский феномен использует новые способы описания и объяснения мира, стремясь к принципиальному мировоззренческому и идеологическому плюрализму и утверждая ценностный релятивизм. Существенно для заявленной в статье темы, что в философии, литературе и искусстве постмодернизма Ничто, во-первых, либо исключается из картины мира, либо демистифицируется; во-вторых, подвергается смысловому и ценностному опустошению, что свидетельствует о смене культурной парадигмы.

Переосмысление Ничто в постмодернистской философии и эстетике отражает мировоззренческие трансформации, происходившие на протяжении XX в. Так, в трудах русских мыслителей (Вл. Соловьев, С. Л. Франк и др.) и западных философов-экзистенциалистов (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Шелер и др.) Ничто выступает как чистое Бытие, противостоящее сущему, соответственно, деятельность познающего субъекта направлена на познание Ничто как Непостижимого, при этом именно в трансцендировании человек открывает собственную самость и собственную свободу, считал Ж.-П. Сартр. Экзистенциализм открывает великое Ничто в человеке и тем самым дает ему возможность свободы самоопределения; осмысление ценностной значимости Ничто, утверждение Ничто как потенциала духовного роста человека через его обращенность к Бытию противостоит угрозе дегуманизации.

Напротив, в философии постмодернизма отрицание наличия Ничто в картине мира и обоснование категории Пустота как метафоры виртуальной сущности любого предмета/субъекта свидетельствует о его семантическом, структурном и ценностном опустошении. В основе этого сущностного сдвига лежит эпистемологический кризис: отрицание Бытия в результате редукции оппозиции «быт – Бытие» и сведения жизненного

мира к повседневности; отказ от устойчивой системы «вечных ценностей» и утверждение множественности становящейся истины; развенчание способности познающего субъекта составить объективное представление о мире как семиозисе – совокупности субъективных, в том числе мифологизированных и/или мифопорождающих, интерпретаций динамично меняющейся действительности (понятия «мир как текст» и «сознание как текст»), – все эти интеллектуальные построения означают, что постмодернизм, демонстрируя бессилие классической философии перед изменяющимся миром, ее неспособность предложить концептуальную мировоззренческую систему, с одной стороны, формирует толерантное отношение к инаковому / разнообразию концепций и взглядов, с другой стороны, заменяет ее мозаикой ситуативно обусловленных и зачастую идеологически ангажированных мнений. Метафизическое Ничто модернистской философии и эстетики в постмодернизме уступает место Пустоте как результату упразднения (демистификации) метафизических поисков философии модернизма, при этом Пустота выступает в качестве и фактора хаотизации мира, и маркера его смысловой и ценностной неоднозначности.

Онтологизации Пустоты, за которой просматривается влияние хаологии (Геллер, 2012, с. 44), в гносеологическом аспекте соответствует идея «непредсказуемости мира». Подобно миру в представлении модернистов, постмодернистский мир является недоступным для познания, однако причины и специфика такой установки различны: гносеологическая проблематичность модернистского мира определяется концепцией непостижимости высшей, сакральной сферы бытия, тогда как постмодернистский мир невозможно постичь в силу его хаотичной, иллюзорной и виртуальной природы. Существенным в аспекте недостоверности знания об окружающем мире оказывается осознание многослойности символических (знаков) объектов: за означающим может скрываться множество означаемых, что, в свою очередь, приводит к разрушению единства знака и значения, отрицанию референтности знака и утверждению его ситуативной конвенциональности. В аспекте аксиологии установка науки эпохи постмодерна на исследование изменчивости природных и социокультурных явлений, находящихся в процессе непрерывного становления, означает отказ от поисков смысла Бытия, характерных для философских концепций эпохи модерна. «Метафизика отсутствия» как одно из ключевых понятий постмодернистской философии (Можейко, 2001, с. 463-464) позволяет считать категорию Пустоты символическим репрезентантом постметафизического мышления и литературы постмодернизма.

Эстетические последствия постмодернистской философии, значимые для воплощения категории Пустоты в текстах литературы и культуры, были сформулированы в концепциях постструктуралистов. Идея Ж. Деррида (2015) о децентрации и деконструкции структуры и субъекта предполагает семантическое опустошение постмодернистского образа и принципиальную неопределенность его смысла, что соответствует понятию «скользящего» или «плавающего» означающего у Ж. Лакана и его концепции расщепленного сознания (Дьяков, 2010, с. 132). На этом фоне «порядок хаоса», обнаруженный М. Фуко, очевидно, организует опустошенный постмодернистский текст в некоторое динамическое целое (Баух, 2018). Ж. Делёз и Ф. Гваттари принципам бинаризма, значимым для эстетики модернизма, противопоставляют различие и повтор, которые выступают как источники движения постмодернистского дискурса, в то время как ризоматический способ организации текста оставляет возможность «имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации его внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования» (2010, с. 8-11). Ж. Бодрийяр (2017) обосновывает идею о «виртуальной» культуре, признаки которой можно обнаружить в «виртуальном» пространстве постмодернистского текста. Эти программные положения постмодернистской эстетики подразумевают деонтологизацию Ничто и утверждение онтологического, гносеологического и аксиологического статуса Пустоты, а также предполагают соответствующие решения в поэтике – в принципах построения художественного мира в постмодернистском тексте (Житко, 2019, с. 149-164).

Наиболее очевидно онтологизация Пустоты проявилась в хронотопе постмодернистского произведения. Отметим, что идеи М. М. Бахтина о единстве времени и пространства в художественном мире произведения получили развитие в современном литературоведении (Екабсонс, 2022), в том числе под влиянием теоретических построений постструктурализма: понятие хронотопа связывается с векторами деятельности познающего сознания (автора и героя), соответственно, отмечается онтологизация хронотопа как семиозиса, выделяются пространственная и временная онтологии как два способа познания бытия. Комментируя значимое для постмодернистской/постструктуралистской философии и эстетики понятие Ж. Деррида “*differance*”, А. Уайтхед подчеркивает, что «в нем снимается абсолютная природа двух базисных философских категорий – пространства и времени, – первых в категориальном ряду развертки Бытия в традиционной метафизике», поскольку оно «отражает два первичных вектора игры мира, понимаемой как письменность, – “опространствливание” и “овременивание”, что позволяет представить пространство как-становящееся-временным, а время – как-становящееся-пространственным» (Цит. по: Екабсонс, 2022, с. 384-385).

Понимание единства времени-пространства в постмодернизме как прежде всего времени-пространства накопленных в культуре текстов диктует изменение принципов построения хронотопа: если поэтика модернизма стремилась к постижению Непостижимого и Сакрального Ничто и потому к построению ценностной и пространственной иерархии мира, то постмодернистская поэтика отрицает концепцию структурности бытия, преодолевает логику бинарных оппозиций, отказывается от противопоставления Высшего и обыденного, Бытийного и бытового. Соответственно, «вертикальная» модель мира уступает место «горизонтальной», уравнивающей в процессе «различения» накопленные человечеством концепции в смысловом и ценностном отношении.

В свою очередь, тип хронотопа («опространствливание времени» как наиболее характерный для литературы постмодернизма вариант хронотопа) диктует способ сюжетно-композиционной организации текста, в котором преобладает фрагментация как отказ от «утопии» связности – попыток осмыслить мир и движение времени

через целостность истории познающего разума; соответственно, фрагментированный (хаотизированный) художественный мир, выступая как совокупность текстов о мире, предстает неразрешимой гносеологической проблемой, вопросом без ответа, обнаруживает итоговую Пустоту, открытую для заполнения любым смыслом/значением. Типологическим для постмодернистских текстов становится традиционный в литературе сюжет перемещения героя в пространстве, который и ранее рассматривался как метафорическое «путешествие идей», с той разницей, что путешествие героя постмодернистского произведения происходит либо по виртуальным пространствам, либо в пространстве сознания/воображения, которые соответствуют фрагментам семиозиса и обусловлены ими.

Хронотоп как определяющая характеристика художественного мира произведения предполагает в большей или меньшей степени его конкретизацию в деталях, доступных внутреннему зрению читателя и способствующую работе читательского воображения. Между тем установка постмодернизма на ироническое переосмысление прошлого (Эко, 2011) в форме семантической игры (Эко, 2007, с. 11-17), связанной со смысловым «опустошением» элементов предшествующих культурных эпох, их рекомбинацией в тексте, означает, во-первых, отрицание референтности знака (предметного мира произведения), во-вторых, если не отрицание категории мимесиса, то ее радикальное переосмысление. В предельном выражении отрицание мимесиса отражено в таких направленных на эпатаживание потребителя экспериментальных «текстах», как беззвучная пьеса Дж. Кейджа «4'33"» и книга «Ничто» ("The Nothing Book"), изданная впервые в США издательством Harmony Books в 1974 г. и состоящая из 192 пустых страниц (Борев, 2001, с. 337). Более продуктивными с точки зрения поиска художественного языка, соответствующего новому пониманию времени и пространства, являются а(анти)симметричные произведения, в которых представлены «неестественные» нарративы, отрицающие традиционные для классической литературы и бытового понимания действительности конвенции (Лозинская, 2017).

Время в постмодернистском тексте становится децентрированным и условным, как и пространство, демонстрируя «отказ от причинности как связи между элементами нарратива и от его последовательности» (Геллер, 2012, с. 45). Более того, части фрагментированного «опространственного» времени, находясь в динамическом взаимодействии в пространстве сознания автора и/или героя, могут либо противоречить друг другу, либо выступать как равнозначные (равновероятные), обнажая алогичность и/или абсурдность мира и попыток его познания. Каждый из таких фрагментов «расслоён» путем введения элементов *фантастики*, *уносказаний*, *метафоричности*. Как проявление децентрации выступает также скрытое или явное присутствие разновременных реалий в форме *хаосмоса цитат*, *аллюзий*, *реминисценций*. Внутренний мир произведения предстает лишенным смыслового и структурного единства, поскольку «художественные формы соотнобразуются со всей картиной физического мира и психологических отношений, рисуемой современными научными дисциплинами, и становится ясно, что нельзя говорить об этом мире, используя те формы, с помощью которых можно было определить Упорядоченный Космос, больше не являющийся нашим Космосом» (Эко, 2006, с. 324).

Установка на асимметричность в литературе русского постмодернизма на разных этапах его развития реализовалась по-разному, демонстрируя разные приемы опустошения мира. Так, например, если в произведениях В. Пелевина 1990-х гг., например в романах «Омон Ра», «Чапаев и Пустота» и «Generation "П"», направленность на «деструкцию» советских мифов обеспечивала «зримость» и «узнаваемость» созданной автором условной картины благодаря пародийному использованию цитатного слоя, стандартных речевых штампов, анекдотов, то в последних романах («iPhuc 10» и особенно трилогии «Transhumanism Inc», «KGBT+», «Путешествие в Элевсин») происходит виртуализация художественного мира, который моделируется по образцу компьютерных игр, при этом приметы времени и пространства редуцируются, персонажи утрачивают телесность, выступая как означающее без означаемого. Так, Порфирий Петрович, имя которого отсылает к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», представлен в «iPhuc 10» как «ассистент Полицейского Управления» (Пелевин, 2019, с. 28), а в «Путешествии в Элевсин» – как компьютерный «алгоритм», «активный лингвобот» (Пелевин, 2023, с. 95), «компост из человеческих мыслей» (Пелевин, 2023, с. 101-102), а в финале все его «маски» / воплощения, среди которых хозяин Рима порочный император Порфирий, начальник героя адмирал Ломас, сам герой – «баночник первого разряда», сотрудник корпорации Transhumanism Inc, перемещающийся в Рим под видом гладиатора Ланисты Фуска с секретным заданием предотвратить гибель человечества, сливаются воедино в качестве авторских масок, при этом именно автору/герою предстоит пройти инициацию – уничтожить виртуальные миры / порождения нейросети / человечество. Авторские «маски» в сочетании с симулякральной сущностью персонажей – знаков несуществующего, меняющих свое значение в зависимости от ситуации, подтверждают пустотность художественного мира романа, о чем косвенно свидетельствует появление указателя к текстам, в котором объясняется место и функция каждого персонажа в симулятивном пространстве вселенной пелевинской трилогии.

Ироническая интенция Пелевина сводится к тому, чтобы показать «перевоплощения» читателя в процессе восприятия литературы, что в литературоведении трактуется как расширение читательского сознания, в то время как для постмодерниста Пелевина это программирование сознания. Соответственно, произведения Пелевина, развенчивая литературу как способ познания/освоения мира, выступают как метатекст, цель которого – пародийное/ироническое аутодафе автора, с одной стороны, отказывающегося от творчества, с другой стороны, продолжающего создавать тексты. Такая эволюция объектной организации художественного произведения в творчестве В. Пелевина, во-первых, подтверждает статус категории Пустота в литературе постмодернизма, во-вторых, демонстрирует ее семантическое разрастание, в результате которого полностью изменяется характер мимесиса, который ориентирован на отражение не реальной действительности, а мира авторских (виртуальных) фантазмов о возможных вариантах развития истории и литературы.

Такой мир демонстративно условен (неестественность, принципиальная «семиотичность» изображаемого мира акцентирована). Постмодернистский текст направлен либо на разрушение сложившегося в культуре семиозиса, либо на использование новейших, зачастую дискуссионных, гипотез развития человечества, что выявляет его вторичность и изначальную риторическую природу, поскольку именно для риторического типа художественного сознания характерен отказ от осмысления реальности и взаимодействие с «готовыми» словами, в случае постмодернизма – их ироническое опустошение или обсуждение. Примером такой риторики являются последние романы В. Пелевина, в которых путешествия героя по виртуальным мирам сопровождаются литературно-философскими беседами с их обитателями, где герой выступает в роли ученика, которому его собеседники/учителя разъясняют «урок», и постоянной сменой масок – виртуальных воплощений героя. Направленность на семиозис, таким образом, определяет не только специфику постмодернистского языка, но и особенности наррации (Лиотар, 1998, с. 9-12; Дьяков, 2010, с. 377-385), а также функции риторически организованной системы персонажей.

«Плавающая» семиотичность постмодернистского текста (Геллер, 2012, с. 45), обусловленная спецификой амиметического хронотопа, приводит к разрушению ценностной иерархии и изменению коммуникативной ситуации; в результате, как отмечает Р. Тарнас, на смену модернистской системности восприятия мира приходит *неструктурированное субъективное интерпретативное мышление* (Ратников, 2002), отмеченное семантической и аксиологической неопределенностью. И. С. Андреева (2024) справедливо указывает на взаимообусловленность в построении постмодернистского художественного мира таких категорий, как «виртуальность мира, феномен “двойственного присутствия”, отсутствие категории Истины».

В свою очередь, иную функцию приобретают так называемые «пустые места», которые в литературе предшествующих эпох означали пропуск информации и использовались автором для усиления читательской интерпретативной активности в процессе диалогического взаимодействия с текстом; напротив, для постмодернистского дискурса характерны «смысловые лакуны», обнажающие опустошение/отсутствие смысла в результате игровой деконструкции текстов предшествующих эпох и воплощенных в них идеологических и культурных кодов; проблематизирующие возможность и необходимость диалога между автором и читателем, потенциально – существование литературы и искусства, которые предстают бесконечными повторениями – «ксерокопиями ксерокопий, отблесками отблесков» (Пелевин, 2019, с. 50). Эту пелевинскую формулу можно расценивать как прогностический диагноз собственного творчества, обреченного на тиражирование найденных приемов, что и проявилось в трилогии.

Таким образом, постмодернистская Пустота, проявляясь на всех уровнях организации текста как текстовая проекция синергетического мировидения и сознания, выступает как *конструктивное начало*, как фактор целостности художественного произведения в литературе постмодернизма.

В качестве предварительного итога отметим, что в научной литературе нет единого мнения относительно того, насколько велика эстетическая и «формальная» дистанция между модернистским и постмодернистским искусством. Так, Г. Хоффман и Р. Кунов считают, что для постмодернизма характерен радикальный разрыв с модернистской философией, эстетикой и поэтикой (Хассан, 1987); В. Б. Брайнин-Пассек (2002) отмечает, что для постмодернизма типичны вторичность, использование готовых форм, образов, мифологем, тогда как модернизм склонен к эксперименту, порождающему новые, первичные элементы. Напротив, историко-литературные исследования показывают, что уже авангардистские эксперименты в литературе модернизма можно рассматривать как предчувствие постмодернизма и логическое завершение эпохи модерна.

Проведенное исследование демонстрирует, что категории Ничто и Пустота могут выполнять смыслообразующую функцию между поэтико-философскими системами модернизма и постмодернизма. Дифференциация этих категорий в философии, эстетике и литературе модернизма завершается в постмодернизме деонтологизацией Ничто и онтологизацией категории Пустота на всех уровнях постмодернистского текста.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Семантически опустошенный постмодернистский художественный мир утрачивает естественные характеристики времени и пространства, становясь ирреальным, виртуальным, хаотичным, используя алогичное смешение пластов времени и пространства. Пустота становится фактором «аннигиляции» изображаемого мира, превращая его в условность, эрзац, миф. «Пустое» постмодернистское пространство заполняется хаосом пустых знаков, обладающих нулевой онтологией; «пустое» постмодернистское время «отрицает» себя, приобретая признаки неопределенной плюральности. Как время, так и пространство в своих онтологических параметрах «субъективируются», становясь зависимыми от сознания героя, повествователя, читателя. Опустошенный в смысловом и структурном отношении постмодернистский хронотоп утрачивает референтность, становится принципиально амиметичным, функционируя в форме семиотического мультиверсума и порождая неестественный нарратив. Смоделированный таким образом художественный мир «отрицает» себя, неизбежно порождая собственные копии как результат тиражирования приемов.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление иных абстрактных поэтико-семантических категорий, переосмысленных постмодернистской художественной философией и являющихся факторами построения хронотопа, образно-мотивной и ценностной систем постмодернистского текста.

Источники | References

1. Андреева И. С. Постмодернизм в русской литературе. 2024. <http://fege.narod.ru/librarium/andreeva.htm>
2. Баух Э. «Перстами руки человеческой...». Феллини – Венеция – Фуко. Тель-Авив, 2018.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. А. В. Качалова. М.: Постум, 2017.
4. Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы. 1998. № 9.
5. Боров Ю. Б. Период постмодернизма: человек не выдерживает давления и становится постчеловеком // Теория литературы. Литературный процесс: в 4 т. / гл. ред. Ю. Б. Боров. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Т. IV.
6. Брайнин-Пассек В. Б. О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // Новый мир искусства. 2002. № 5/28.
7. Брюханова Ю. М. Философия жизни в русской литературе XX-XXI веков: от жизнестроения к витальности: монография / под ред. И. И. Плехановой; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Иркутский гос. ун-т». Иркутск: ИГУ, 2013.
8. Геллер Л. М. Хаос и энергия. Наука в культуре модернизма. Седльце, 2012.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010.
10. Деррида Ж. Эссе об имени / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2015.
11. Джеймисон Ф. Постмодернизм и культурная логика позднего капитализма. М.: Издат. Института Гайдара, 2019.
12. Дьяков А. В. Жак Лакан. Фигура философа. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
13. Екабсонс А. В. Концепция времени и пространства в современном литературоведении // Academic Research in Educational Sciences. 2022. № 3 (3).
14. Житко Р. Г. Категория Ничто/Пустоты как фактор модернистского хронотопа // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2018. Т. 8. № 2.
15. Житко Р. Г. Методологические основы литературоведческого исследования категории Ничто/Пустота в литературе модернизма и постмодернизма // Миргород. 2019. № 1 (13).
16. Житко Р. Г. Ничто/Пустота как феномен культуры: исторический аспект // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2017. Т. 7. № 1.
17. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шмако. СПб.: Алетейя, 1998.
18. Лозинская Е. В. 2017.01.005. Неестественная нарратология. (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2017. № 1.
19. Можейко М. А. Метафизика отсутствия // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
20. Ратников В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4 (29).
21. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015.
22. Хассан И. К концепции постмодернизма. 1987. http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2765&Itemid=0
23. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. Е. Костюкович. М.: Астрель, 2011.
24. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / пер. с итал. А. П. Шурбелёва. СПб.: Симпозиум, 2006.
25. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007.

Информация об авторах | Author information

Житко Роман Геннадьевич¹

¹ Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Roman Gennadievich Zhitko¹

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

¹ romanzhitko92@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2024; опубликовано online (published online): 27.11.2024.

Ключевые слова (keywords): категория Пустота; эстетика постмодернизма; философия постмодернизма; постмодернистская поэтика; русская литература; В. Пелевин; category Emptiness; aesthetics of postmodernism; philosophy of postmodernism; postmodern poetics; Russian literature; V. Pelevin.